

Джеймс Хэдли

ЧЕЙЗ

СЕМЬ РАЗ ОТМЕРЬ

Речь идет о том,
чтобы заработать много и быстро.

Дж. Х. Чейз

Джеймс Хэдли Чейз

Семь раз отмерь

Серия «Парадиз-Сити»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65098156
Джеймс Хэдли Чейз Семь раз отмерь:
ISBN 978-5-389-19728-2

Аннотация

За полвека писательской деятельности британский автор детективов Рене Брабазон Реймонд (1906–1985) опубликовал около девяноста криминальных романов и сменил несколько творческих псевдонимов. Самый прославленный из них – Джеймс Хэдли Чейз.

«Я, как ищейка, беру след и чую, чего хочет читатель. И что он купит» – так мэтр объяснял успех своих романов, охотно раскрывая золотоносный секрет: читателей привлекают «действие и ритм».

Роман «Семь раз отмерь» (1980) относится к циклу «Парадиз-Сити».

Большой специалист по кражам произведений искусства Эд Хэддон обращается к владельцу полулегальной галереи Клоду Кендрику, чтобы тот помог ему продать старинную русскую икону, похищенную с выставки. Покупатель найден, но требует доставить шедевр в Цюрих...

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	33
Глава третья	68
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Джеймс Хэдли Чейз

Семь раз отмерь

James Hadley Chase

TRY THIS ONE FOR SIZE

Copyright © Hervey Raymond, 1980

All rights reserved

Серия «Звезды классического детектива»

Перевод с английского Елены Королевой

Серийное оформление и оформление обложки Валерия

Гореликова

© Е. А. Королева, перевод, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

* * *

Глава первая

Клод Кендрик, владелец «Галереи Кендрика», вернувшийся из августовского отпуска, сидел за своим письменным столом и строил планы на очередной прибыльный сезон.

Жара и влажность, превращавшие Парадиз-Сити, эту игровую площадку миллиардеров, в мертвый город, остались уже позади. Наступил сентябрь, и город понемногу оживал с возвращением местных богачей, заезжих любителей роскошной жизни и простых туристов.

Кендрик, популярный в городе персонаж, рослый, поразительно толстый гомосексуалист, внешне напоминал дельфина, однако, как поговаривали, был при этом лишен присущего дельфину дружелюбия. По временам он и вовсе смахивал на акулу-людоеда.

Хотя Кендрик неизменно был одет с иголочки и подкрашивал губы бледно-розовой помадой, лысую как коленка голову он скрывал плохо подогнанным париком оранжевого цвета. Встречаясь на улице с женщинами из числа своих покупательниц, он приподнимал оранжевый парик, словно шляпу. Несмотря на свою тучность и эксцентричность, в мире искусства Кендрик был признанным специалистом по антиквариату, драгоценностям и современной живописи. Его галерею знали и выбирали для себя коллекционеры со всего мира. Чего они не знали, так это того, что Кендрик является

одним из самых крупных и активных скупщиков краденого в Соединенных Штатах и постоянно поддерживает связи со всеми профессиональными похитителями предметов искусства, у которых можно разжиться настоящими сокровищами.

У многих клиентов Кендрика имелись частные музеи, предназначенные только для их собственных глаз. Именно с такими клиентами Кендрик заключал самые выгодные сделки. Иногда кто-нибудь из этих клиентов замечал в каком-нибудь музее или в гостях у друзей некое произведение искусства, и его охватывала жажда обладания, свойственная только фанатичным коллекционерам. В итоге, не в силах обуздать снедающее его желание заполучить именно это сокровище, знакомый коллекционер заявлялся к Кендрику и намекал, что, если такой-то музей или же мистер такой-то захотел бы продать именно эту вещицу, он бы за ценой не постоял. Кендрик, зная, что именно это сокровище не продается ни за какие деньги, принимался обсуждать цену, а затем обещал выяснить, чем можно помочь. Коллекционер, зная по прежним сделкам с Кендриком, что все разрешится к его удовольствию, возвращался в свой подпольный музей и ждал.

Кендрик встречался с кем-нибудь из множества известных ему похитителей предметов искусства, обсуждал насущный вопрос и тоже ждал. В конечном итоге искомое произведение искусства загадочным образом исчезало из тако-

го-то музея или из коллекции мистера такого-то и объявлялось в подпольном музее знакомого коллекционера. А крупная сумма денег поступала на счет Кендрика в Цюрихском банке.

Весь август Кендрик путешествовал на своей яхте по Карибскому морю в веселой компании танцоров мужского балета, и вот теперь, посвежевший и сильно загоревший, он с наслаждением снова утвердился за письменным столом, чтобы сосредоточить свои таланты и свой криминальный ум на добывании денег.

Луи де Марни, старший продавец Кендрика, проскользнул в просторную, обставленную антиквариатом комнату с панорамным окном, где работал Кендрик.

Луи был тоненький, и внешне ему можно было с равным успехом дать как двадцать пять лет, так и сорок. Длинные густые волосы были цвета воронова крыла. Худое лицо с глубоко посаженными глазами и поджатыми губами придавало Луи сходство с настороженной крысой.

– Сюрприз! – воскликнул он своим высоким голосом. – Ни за что не угадаешь! Эд Хэддон пришел!

Кендрик оцепенел:

– Он здесь?

– Дождется!

Кендрик отложил золотой карандаш. Его жирная физиономия растянулась в акульей усмешке.

Эд Хэддон был королем похитителей предметов искус-

ства, блистательный жулик, который внешне вел безупречную жизнь удалившегося от дел бизнесмена, исправно платя налоги и переезжая с одной из своих многочисленных квартир на другую: из Форт-Лодердейла на юг Франции, из Парижа в Лондон.

Хотя Эд Хэддон занимался кражами уже лет двадцать и стоял за несколькими очень громкими похищениями предметов искусства, он при этом так заметал следы, что ни одна полиция мира не подозревала о его гнусных деяниях. Это был настоящий преступный гений, способный не только составить план, но и собрать и направить на выполнение своего задания группу профессионалов.

С Кендриком он работал редко, зато, если работал, прибыль Кендрика неизменно оказывалась весьма ощутимой.

– Быстрее, тупица, – произнес Кендрик, с трудом поднимаясь из-за стола. – Зови его сюда.

Луи упорхнул прочь, а Кендрик остановился у двери, приветствуя Хэддона: улыбка елейная, рука протянута для рукопожатия.

– Эд, дорогуша! Какой чудесный сюрприз! Входи-входи! Выглядишь великолепно, хотя когда это ты выглядел иначе?

Эд Хэддон, остановившись в дверном проеме, оглядел Кендрика с головы до ног, затем пожал протянутую руку.

– Да ты и сам выглядишь недурно, если не считать этого кошмарного парика, – отозвался он, входя в комнату.

– Эд, мальчик мой, это же мой фирменный знак, – захи-

хикал Кендрик. – Без него меня и не узнает никто. – Все еще не выпуская руки Хэддона, он подвел его к большому уютному креслу. – Присаживайся. Может, бокал шампанского?

Хэддона можно было запросто принять по ошибке за конгрессмена или даже за госсекретаря. У него была импозантная внешность: высокий, крепко сложенный, с густыми седыми волосами стального оттенка, с румяным приятным лицом и серыми глазами, он обладал дружелюбной улыбкой, которая принесла бы ему огромное число голосов избирателей, реши он баллотироваться в конгресс. За этим фасадом скрывался острый как бритва ум, безжалостный и хитрый.

– Скотч со льдом, – заказал он, вынимая портсигар и выбирая сигару. – Будешь курить? Гаванские.

– Ну, не с утра же пораньше, – возразил Клод, наполняя бокал. – Я действительно рад видеть тебя после такого долгого перерыва. Сто лет не встречались, Эд.

Хэддон оглядывал просторную комнату. Глаза его изучали многочисленные картины, висевшие по обитым шелком стенам.

– А вот эта хороша, – заметил он, указывая на картину над письменным столом Кендрика. – Отличный мазок. Моне, говоришь? Подделка, само собой.

Клод принес бокал и поставил на маленький антикварный столик рядом с Хэддоном.

– Об этом знаем только мы с тобой, Эд, – сказал он. – У меня тут одна старая кошелка, которой некуда девать деньги,

все никак не созреет для покупки.

Хэддон захохотал:

– Моне прикупить, значит? Удачно вложить денежки.

– Разумеется, мальчик мой. – Клод налил себе сухого мартины, затем вернулся к своему столу и снова сел. – Нечасто ты заглядываешь в наш славный городок, Эд.

– И задерживаюсь ненадолго. – Хэддон забросил ногу на ногу. – Как продвигаются дела, Клод?

– Несколько вяло. Сейчас ведь только начало сезона. Но антиквариат скоро пойдет. Богачи возвращаются на следующей неделе.

– Я имею в виду... дела, – подчеркнул Хэддон, впиваясь в Клода серыми глазами.

– Ах это! – Клод помотал головой. – В данный момент ничего. На самом деле я бы поработал, если бы что подвернулось.

Хэддон раскурил сигару и один долгий момент выпускал дым.

– Я тут все пытался решить: ты или Эйб Сейлизман.

Клод дернулся. При имени Эйба Сейлизмана у него неизменно сводило скулы, поскольку Сейлизман, несомненно, был крупнейшим барыгой в Нью-Йорке. Много раз он обставлял Кендрика в масштабных делах. Эти двое ненавидели друг друга, как мангуст и змея.

– Ну что ты, шерс, – сказал Клод вслух. – Зачем же тебе сотрудничать с этим дешевым мошенником Эйбом. Ты ведь

знаешь, что он не даст тебе настоящей цены. А я разве когда-нибудь тебя надувал?

– У тебя ни разу не было такой возможности, как и у Эйба. Речь идет о том, чтобы заработать много и быстро. Стоит товар шесть миллионов. – Хэддон выпустил облачко дыма. – Я хочу три из них.

– Шесть миллионов – сумма вполне реальная, – медленно проговорил Клод, акулий разум которого уже заработал. – Зависит, разумеется, от товара. Знаешь, Эд, на что-нибудь особенное тут готовы потратить много денег.

– А в Нью-Йорке в данный момент таких денег нет. Именно поэтому я пришел со своим предложением сначала к тебе.

Клод продемонстрировал свою дельфинью улыбку:

– Я это оценил, мальчик мой. Расскажи.

– Выставка из Эрмитажа.

– А! – Алчный взгляд Кендрика потух. – Очень милая. У меня имеется каталог. – Он выдвинул ящик стола и вытащил толстую брошюру в глянцевой обложке. – В самом деле, очень милая выставка. Красивые экспонаты. Жест в поддержку разрядки напряженности. Русское правительство присылает лучшие произведения искусства, чтобы граждане Соединенных Штатов Америки могли восхититься. – Он пролистал красочные страницы с иллюстрациями. – Великолепно. Тысячи людей получают выгоду от этого прекрасного сотрудничества между двумя самыми могущественными державами. – Он поднял глаза и поглядел на улыбавшегося

Хэддона. – Да, но точно не ты, точно не Эйб и точно не я. – Он вздохнул и отложил каталог.

– Ты уже закончил трепаться? – поинтересовался Хэддон.

Клод снял свой парик, уставился на него, затем криво нахлобучил парик обратно на голову.

– Просто рассуждаю, дорогой Эд. Я часто мыслю вслух.

– Посмотри на страницу пятьдесят четыре, – посоветовал Хэддон.

Клод облизнул толстый палец и перелистнул страницы каталога.

– Да. Очень мило. Что тут написано? Икона, дата создания неизвестна, считается самой ранней из всех сохранившихся. Известно, что принадлежала Екатерине Великой, которая очень дорожила этой иконой. – Он поглядел на иллюстрацию. – Выполненное на дереве живописное изображение неизвестного русского святого. Великолепная сохранность. Размер восемь на десять дюймов. Не всякому такое понравится. Толпа пройдет мимо. Для коллекционера весьма интересный экземпляр.

– На открытых торгах она стоила бы двадцать миллионов долларов, – негромко заметил Хэддон.

– Согласен, однако русские, очевидно, не собираются ее продавать, мальчик мой.

Хэддон подался вперед, и его серые глаза сделались похожими на острые концы сосулук.

– А ты сможешь ее продать, Клод?

Кендрик почувствовал, что, несмотря на кондиционер, слегка вспотел. Он вынул из кармана шелковый носовой платок и промокнул лицо.

– Продать можно что угодно, однако достать эту икону будет проблематично.

– Не думай о проблемах. Она твоя за три миллиона, – сказал Хэддон.

– Давай я налью тебе еще, Эд. Такое нужно немного обмозговать.

Он тяжело затопал к бару и снова наполнил бокалы, не переставая напряженно размышлять.

– У меня мало времени, – сказал Хэддон, принимая у него стакан. – Выставка закрывается через две недели. Либо ты, либо Эйб.

Клод вернулся за свой стол и сел.

– Давай-ка взглянем на это дело повнимательнее, Эд, – предложил он. – Я был в Музее изящных искусств, когда год назад ездил в Вашингтон. Мне показалось, что у них там впечатляющая система охраны. Насколько я понял из того, что пишут газеты, меры безопасности по случаю выставки были усилены и шанс украсть что-либо сводится к нулю.

Хэддон кивнул:

– Ну да, разумеется. Я вникал в этот вопрос. Там не только увеличен штат охраны музея, но даже привлечены федералы и ЦРУ, повсюду понатыканы копы в штатском. И это еще не все: для пушего веселья русские прислали пятерых

собственных копов. Всех посетителей проверяют. Никому не разрешено проносить с собой сумки, даже дамские сумочки. Все посетители проходят через электронную рамку. Да, признаю, они проделали внушительную работу.

Клод вздернул жирные плечи:

– Значит...

– Да. Мне нравится красть то, что украсть невозможно, Клод. Ни разу еще я не остался без добычи, и я говорю тебе: если ты сможешь продать икону и заплатить мне три миллиона баксов, переводя на мой швейцарский счет, то икона твоя.

Клод мысленно перечислил разные крупные кражи, совершенные Хэддоном. Он припомнил пятифуттовую вазу эпохи Мин, которая пропала из Британского музея. Спланировано все тогда было просто гениально, однако он все равно сомневался. На этот раз будет по-другому – опаснее, поскольку замешана политика.

– Ну, предположим, ты заполучил икону, Эд, – осторожно начал он. – Не мне тебе рассказывать, что похищение спровоцирует международный скандал, или, скажем иначе, катастрофу. Полыхать будет жарко.

– Это уже твои проблемы, Клод. Когда я отдам икону тебе, ты и будешь заливать пожар, впрочем, если не хочешь, так и скажи, и я пойду к Эйбу.

Кендрик колебался, но затем мысль о прибыли в три миллиона долларов пересилила осторожность.

– Дай мне три дня, Эд. Я должен переговорить с парой клиентов.

– Разумно. Я остановился в отеле «Испанский залив». Только ответь мне не позже вечера пятницы. Если найдешь подходящего клиента, я доставлю икону к следующему вторнику.

Кендрик утер с лица пот.

– Только чтобы успокоить меня, скажи, дорогой Эд, как ты собираешься это осуществить?

Хэддон поднялся с места:

– Позже. Ты сначала найди клиента, а уж потом поговорим о способах и средствах. – Он окинул Кендрика долгим взглядом. – Я это сделаю. Тебе не стоит беспокоиться. Пока. – И он ушел.

Кендрик посидел, погруженный в размышления, затем выдвинул один из ящиков письменного стола и достал книжицу в кожаном переплете, куда он записывал имена и адреса самых богатых клиентов – все они были владельцами подпольных музеев.

В комнату впорхнул Луи де Марни.

– Чего он хотел, дорогуша? – спросил он. – Предлагал дело?

Кендрик отмахнулся от него.

– Не отвлекай меня, – сказал он. – И пусть никто меня не отвлекает. Мне надо подумать.

Знакомый с подобными признаками, Луи молча удалился,

закрыв дверь. На кону большие деньги, а поскольку Луи получал пятнадцать процентов с незаконных сделок Кендрика, он был готов терпеливо ждать, пока не потребуется его участие.

Кендрику понадобилось гораздо больше часа, чтобы решить, к кому из клиентов стоит соваться. Ему был нужен кто-то, кого интересуется русское искусство и кто сможет достаточно быстро собрать шесть миллионов. Отбрасывая по тем или иным причинам одно имя за другим, в основном из-за недостаточного интереса клиента к русской живописи, он наконец долистал до буквы Р.

Герман Радниц!

Ну разумеется! Он сразу должен был вспомнить о нем.

Один журналист, работавший на «Ле Фигаро», однажды высказался о Германе Раднице так: «Радниц – это мистер Крупный Бизнес. Вот предположим, хочешь ты построить в Гонконге дамбу. Предположим, хочешь запустить паромное сообщение между Англией и Данией. Предположим, хочешь поставлять в Китай электрическое оборудование. Пока ты еще не начал составлять план, лучше проконсультируйся с Радницем, который просчитает все финансовые риски. Радниц занимается практически всем: корабли, нефть, строительство, воздушное сообщение, а еще у него надежные связи с советским правительством и он на короткой ноге с президентом Соединенных Штатов Америки. Он, вероятно, самый богатый человек в мире, если не считать шейхов

Саудовской Аравии».

Да, Радниц, решил Кендрик, но только придется вести дело с величайшей осторожностью.

Пораскинув мозгами еще немного, он позвонил в отель «Бельведер», где, как он знал, останавливается Радниц. После беседы с Густавом Хольцем, секретарем Радница, Кендрику была назначена аудиенция на завтра, на десять утра.

В августе преступность в Парадиз-Сити практически сошла на нет. Если не считать нескольких угнанных машин и заявлений от старушек, потерявших своих собак, полиции было нечего делать в этом влажном, потеющем городе.

Шеф полиции Фрэнк Террелл уехал в отпуск. Сержант Джо Биглер, оставшийся в управлении за старшего, просиживал штаны в кабинете Террелла, попивая кофе, и непрерывно курил. Будучи человеком энергичным, он с радостью ухватился бы за крупную кражу драгоценностей или что-нибудь подобное, однако воры и мошенники не появятся в городе до середины сентября, пока не вернутся все денежные мешки.

В помещении, где сидели полицейские, детектив первого класса Том Лепски, высокий, темноволосый и худой, водрузив ноги на стол, читал комиксы. За другим столом детектив второго класса Макс Джейкоби, моложе Лепски на четыре года, темноволосый и атлетически сложенный, отстукивал на своей допотопной пишущей машинке рапорт об угоне авто-

мобиля.

По сравнению с тем, что творилось здесь полтора месяца назад, оживление в кабинете царило примерно такое же, как в городском морге.

Джейкоби выдернул из машинки лист бумаги вместе с копиркой и откинулся на стуле.

– Вот, готово, – сказал он. – Что еще сделать?

– Ничего. – Лепски зевнул. – Почему бы тебе не отправиться домой? Нет нужды торчать здесь вдвоем.

– У меня, к несчастью, смена до десяти вечера. Сам поезжай домой.

Лепски хитро усмехнулся:

– Ну уж нет. Я еще не сошел с ума. Если я сейчас заявлюсь домой, Кэрролл потребует, чтобы я косил лужайку, а кому охота косить чертову лужайку в такую жару?

Джейкоби согласно закивал:

– Ты прав. Тьфу! Я от этой жары прямо дохну. Нам надо поставить сюда кондиционер.

– Скажи об этом шефу. Может, сумеешь его убедить. В любом случае через несколько дней похолодает.

– А что у тебя с отпуском, Том? Ты вроде на следующей неделе отправляешься? Куда поедешь?

Лепски издал смешок, который напугал бы даже гиену:

– Я? Я никуда не поеду. Я дома останусь. Буду сидеть в саду и читать книжку.

– Книжку? – Джейкоби разинул рот. – Вот уж не знал, что

ты читаешь книжки.

– Я – нет, но какого черта? Все-таки некоторое разнообразие. Хочу понять, не упускаю ли я чего в жизни. Судя по обложкам некоторых книжек, запросто могу.

Джейкоби надолго задумался, насупив брови.

– А что насчет Кэрролл? – спросил он наконец.

Лепски смотрел на него с хитрецей.

– Есть небольшая проблемка, но я ее устраню, – пообещал он несколько встревоженным голосом. – Можешь себе представить? У Кэрролл возникла сумасшедшая идея. В данный момент она штудирует путеводители. Хочет, чтобы мы отправились в автобусный тур по Калифорнии. Подумать только! Знаешь, чего эти жулики из турбюро хотят за то, чтобы протащить тебя по всей Калифорнии? Три тысячи долларов за три недели! Чокнуться можно! Да кто захочет трястись с толпой болванов в паршивом автобусе? Точно не я!

Джейкоби обдумал эти слова.

– Ну, это же возможность посмотреть страну. Я бы не стал возражать. Кэрролл бы точно порадовалась. Она ведь любит поболтать с людьми.

Лепски фыркнул так, что газета у него на столе затрепала листами.

– Слушай, Макс, ничего не выйдет. Я весь по уши в проклятых долгах. Каждый раз, когда захожу в свой банк, кассир тарачится на меня так, словно я пришел его грабить. Сегодня вечером собираюсь обрисовать положение Кэрролл. Я

превысил все лимиты. Да, она разорется на весь дом, однако против цифр не попрешь. Придется ей сидеть на лужайке и читать книжку, как и мне.

Джейкоби, который близко знал и Лепски, и его жену Кэрролл, любившую покомандовать, спрятал усмешку.

– Не представляю, чтобы Кэрролл просто так смирилась, – сказал он.

Лепски сверкнул на него глазами:

– Если нет денег, нет и отпуска. Мне еще только предстоит выплата за фен, который она купила. Я просрочил платеж за машину. – Он сделал долгий вдох. – Еще я просрочил платеж за этот чертов телевизор, который она потребовала. Значит, нет денег – нет отпуска.

– Извини, Том, но вам с Кэрролл необходим отпуск.

– И что с того? Нам придется сделать так, как поступают тысячи других болванов, – остаться дома.

Лепски вскочил со стула и отправился в кабинет шефа, где за столом Террелла подремывал сержант Биглер.

Биглер, веснушчатый и белобрысый, зевнул, потер довольно мясистой рукой лицо и широко улыбнулся Лепски.

– Как же я ненавижу этот месяц, – признался он. – Нечем заняться. А ты на следующей неделе отправляешься в отпуск... правильно?

– Угу. – Лепски метался по кабинету. – Могу поспорить: как только меня не будет, начнутся дела. Слушай, Джо, я никуда не уезжаю в отпуск. Я останусь дома, так что, если по-

надоблюсь, ради бога, вызывай меня.

– Никуда не уезжаешь? А что по этому поводу думает Кэрролл? – Биглер знал Кэрролл не хуже, чем Макс Джейкоби.

– Нет денег – нет отпуска, – твердо сказал Лепски, хотя на самом деле был полон сомнений.

Они с Кэрролл частенько ссорились, хотя не мыслили жизни друг без друга. К несчастью для Лепски, Кэрролл, кажется, всегда выходила победительницей из их стычек, и он прекрасно об этом помнил. Однако на этот раз, неустанно повторял он себе, ей придется смириться с фактами и проявить благоразумие.

– А ты ведь азартный парень, Том, – сказал Биглер, плутовато улыбаясь. – Я бы поставил десять к одному, что тебе придется поехать в отпуск.

Лепски насторожился.

– Поставь сто к одному, и я приму пари, – сказал он.

Биглер покачал головой:

– Чтобы стрясти с меня сотню, ты себе ногу ломаешь, ты, Шейлок¹.

Зазвонил телефон. Чарли Таннер, дежурный сержант, никак не мог разобраться с какой-то пожилой богачкой, которая потеряла своего котика.

– Том, ступай и помоги ему, – устало произнес Биглер. – Хоть как-то скоротаешь время.

¹ *Шейлок* – один из персонажей пьесы У. Шекспира «Венецианский купец», еврей-ростовщик. – *Здесь и далее примеч. перев.*

В половине седьмого вечера Лепски покинул полицейское управление. Стало прохладнее, и он решил, что самое время поговорить с Кэрролл и даже скосить ненавистную лужайку. Прежде всего, решил Лепски, он займется лужайкой, потом поужинает, потом осторожно объяснит Кэрролл, почему именно отпуска в этом году не получится.

Он подъехал к их уютному домику, как обычно взвизгнув тормозами. Больше всего на свете Лепски любил порисоваться, и ему нравилось производить впечатление на соседей, возвращаясь домой. Эти болваны, как он их называл, по обыкновению, торчали у себя в палисадниках. И все они разинули рты, когда Лепски вышел из машины. Вот это ему и нравилось, и он с надменным видом помахал им рукой, а потом остановился, потому что пришла его очередь разинуть рот.

Лужайка выглядела безукоризненно. Когда утром он уходил из дому, трава была два дюйма высотой. А теперь она напоминала бильярдный стол, даже края лужайки были подстрижены, чего лично он никогда не делал.

Кэрролл?

Он сдвинул шляпу на затылок. Это невозможно. Кэрролл превращалась в круглую дуру, стоило ей взяться за мощную газонокосилку. Всего раз он сумел убедить ее попробовать, и в результате пострадала парадная калитка и погибла одна клумба с розами.

Весь в недоумении, Лепски прошагал по дорожке, открыл

парадную дверь и тут же потянул носом. От аромата еды, выплывавшего из кухни, рот его наполнился слюной. Обычно его встречали такие кухонные запахи, что он пугался, не горит ли дом. Хотя Кэрролл была кулинаром с амбициями, ее усилия неизменно оборачивались катастрофой.

И запах, приветствовавший Лепски сейчас, стал настоящим потрясением.

Он с опаской шагнул в тесный коридор и заглянул в гостиную. И тут его снова ожидало потрясение. На одном из маленьких столиков в центре комнаты стояла ваза, полная роз с длинными стеблями. Обычно Кэрролл срезала довольно неказистые розы из их сада, однако эти, в вазе, были из тех, что какой-нибудь пройдоха мог бы преподнести кинозвезде в надежде затащить ее в постель.

Внезапно Лепски пробрал озноб. Неужели сегодня какая-то годовщина, о которой он позабыл? Лепски был безнадёжен по части дат. Если бы не Макс Джейкоби, записывавший все дни рождения в блокнот и напоминавший о них Лепски, он забывал бы и день рождения Кэрролл.

Что за дата? Лепски стоял, глаза на розы, и пытался вспомнить, когда у них годовщина свадьбы. Он знал, что сегодня не может быть день рождения Кэрролл. Джейкоби спас его от катастрофы всего пять месяцев назад. Но что же за годовщина сегодня?

Кэрролл очень болезненно реагировала, когда он забывал даты.

Лепски же считал, что она просто помешана на этих дурацких датах. Для нее было жизненно важно, чтобы он помнил ее день рождения, свой день рождения, годовщину их свадьбы, день, когда он получил звание детектива первого класса, день, когда они переехали в этот дом. А стоило позабыть – и она превращала жизнь Лепски в кошмар по меньшей мере на неделю.

Лепски собрался с духом. Придется ему импровизировать. Видит бог, он хотел бы запомнить дату их свадьбы, это особенно важная дата. И если он прошляпил ее, точно придется целый месяц терпеть немилость.

А потом он услышал, как Кэрролл, громыхавшая на кухне кастрюлями и сковородками, запела. От «Ты, я и любовь» в ее исполнении у него начинали ныть зубы. Певица Кэрролл была та еще, зато легкие у нее были могучие.

Ошеломленный, Лепски передвинулся к кухонной двери и уставился на свою темноволосую миловидную жену, которая танцевала по кухне в переднике, отбивая ритм своей песни деревянной ложкой.

«Господи! – подумал Лепски. Она хлебнула моей „Катти Сарк“!»

– Привет, детка, – проговорил он сипло. – Я дома.

Кэрролл подбросила ложку к потолку и ринулась к нему, стиснула в объятиях и подарила ему самый чувственный поцелуй со времен их медового месяца.

– Том, дорогой! Ммм! Чудесно! Еще разок!

«Катти Сарк» там или что еще, но Лепски не растерялся. Его руки прошли по стройной спине Кэрролл и опустились на ее ягодицы, после чего он крепко прижал ее к себе.

Кэрролл решительно отстранила его:

– Не сейчас, позже. Лучше займись пока чем-нибудь полезным. – И, еще больше усилив его ошеломление, она провальсировала к холодильнику и достала бутылку шампанского. – Открой. Ужин уже через минуту.

Лепски уставился на бутылку, разинув рот, и едва не выронил ее.

– Но детка...

– Открой. – Она вернулась к плите и перевернула два огромных стейка, сдвинув в сторону горку жареного лука, затем принялась перемешивать подрумяненный картофель.

– Конечно... конечно.

Лепски завозился с проволокой на горлышке бутылки, затем недюжинным усилием рванул пробку, которая пролетела через всю кухню. Вино, пузырясь, ринулось наружу, и Кэрролл подставила два бокала. Лепски наполнил бокалы, все еще пребывая в ошеломлении.

– За нас! – театрально провозгласила Кэрролл, взяв у него бокал. – Самых замечательных людей на свете!

– Ага, – отозвался Лепски, снова гадая, сколько его «Катти Сарк» она вылебала.

– Ладно, будем ужинать! – воскликнула Кэрролл, осушив свой бокал. – Открой вино. Оно на столе.

– Конечно. – Лепски поплелся в их небольшую столовую.

Стол был накрыт, в качестве главного украшения в центре стояли розы и бутылка лучшего красного вина Калифорнии, дожидавшаяся его внимания.

Он начал мысленно подсчитывать общую сумму. Шампанское... вино... розы! Господи! Да она, должно быть, спустила все деньги, отложенные на хозяйство!

Кэрролл внесла две тарелки, нагруженные стейками, жареным луком и картошкой.

– Наслаждайся! – сказала она, усаживаясь. – Я сама налью вина.

Голод притупил страхи Лепски. Он не помнил, чтобы когда-нибудь ел такой отличный стейк. Он волком накинулся на мясо.

– Потрясающе! – воскликнул он с набитым ртом. И тут его пронзила одна мысль. – Такой стейк должен стоить целое состояние.

– Он и стоил, – подтвердила Кэрролл самодовольно. – Купила у Эддиса.

Лепски перестал жевать, ощущая волну озноба. Эддис держал самую дорогую мясную лавку в городе. Лепски часто посматривал на его витрину с таким соблазнительным, сочным мясом, однако, увидев цену, в ужасе спешил прочь.

– У Эддиса, значит?

– Самое лучшее мясо.

– Ага. – Он принялся жевать медленнее. – Я вижу, ты лу-

жайку скосила, милая. Смотрится симпатично. Но я бы и сам скосил.

– Я наняла Джека. Не хотела, чтобы ты занимался этим по такой жаре.

– Джека? Этого мелкого болвана из соседнего дома? И он согласился?

– Да за пять долларов он бы родного отца согласился пристрелить!

– За пять долларов? Ты дала этому паршивцу пять долларов?

– Он запросил десять, но я с ним поторговалась.

Лепски закрыл глаза.

– Ешь, дорогой. Что ты сидишь, как жертва дорожной аварии? – Кэрролл хихикнула. – Все в порядке. Я открою тебе свою тайну.

Лепски пристально поглядел на нее:

– Послушай, детка, неужели я забыл, что сегодня какая-то чертова годовщина? Ты тратишь деньги как сумасшедшая. А ты ведь знаешь, что денег у нас нет.

– Я знаю, что у тебя нет денег, зато они есть у меня.

Лепски прищурился:

– С каких это пор?

– С сегодняшнего утра. Помнишь, когда я работала в «Американ экспресс», у меня был один особенный клиент, мистер Бен Айзекс?

– Конечно. Старый болван, который норовил залезть тебе

под юбку каждый раз, когда оказывался в конторе.

– Лепски! Не хаами! Мистер Айзекс никогда ничего подобного не делал!

Лепски ослабился:

– Может, и не делал, но хотел... а это одно и то же.

– Вот что я тебе скажу, Лепски: мистер Айзекс был милый и достойный пожилой джентльмен с золотым сердцем.

Лепски насторожился, словно охотничий пес:

– Ты хочешь сказать, что он отдал концы?

– Он умер и упомянул меня в своем завещании. Что ты скажешь на это?

Лепски отложил нож с вилкой.

– И сколько же?

– Не важно сколько. Разве он не душка? В конце концов, я ведь всего лишь делала свою работу, а он...

– Сколько? – рявкнул Лепски своим «полицейским» голосом.

– Не ори на меня, Лепски. – Кэрролл снова принялась за еду. – Смотри, у тебя ужин сейчас остынет.

– СКОЛЬКО?! – снова рявкнул Лепски.

Кэрролл вздохнула, но глаза ее искрились смехом.

– Ну, если тебе так уж надо знать, тридцать тысяч долларов.

– ТРИДЦАТЬ ТЫСЯЧ ДОЛЛАРОВ?! – вскричал Лепски, выскакивая из-за стола.

Кэрролл улыбнулась ему:

– Разве это не чудесно? Лучше сядь и поешь. Попытайся вести себя как цивилизованный человек.

Лепски опять уселся, однако он утратил аппетит.

Тридцать тысяч долларов! Чертово состояние! Он вспомнил обо всех своих долгах. Подумать только, старый болван Бен Айзекс оставил им столько денег!

– Ты это серьезно, что мы стоим теперь тридцать тысяч долларов? – спросил он сипло.

– Этого я не говорила.

Лепски уставился на нее:

– Нет, подожди-ка. Ты только что сказала...

– Я помню, что я сказала. Я сообщила тебе, что я теперь стою тридцать тысяч долларов. Я ни слова не сказала о том, что мы теперь стоим тридцатку, – твердо произнесла Кэрролл.

Лепски одарил ее самой обаятельной из своих улыбок:

– Так это ведь одно и то же, детка. Мы ведь партнеры... не забыла? Мы женаты. Мы все делим поровну.

– Ничего подобного мы не делаем. – Кэрролл покончила со своим стейком и откинулась на спинку стула. – А теперь послушай меня. – Она перешла на свой командирский тон. – Мы с тобой женаты уже пять лет. Каждый год мы ездили в какой-нибудь паршивенький отпуск, и ты каждый раз бубнил о расходах. Большую часть времени в отпуске ты записывал цифры и твердил мне, что мы не можем позволить себе омара или даже кока-колу! Но теперь я отправлюсь в на-

стоящий отпуск, Лепски! Я все организую сама. Буду тратить свои денежки. Если захочу на завтрак шампанского, то получу на завтрак шампанское! Я поеду в Европу. Я поеду в Париж. Я поеду в Монте-Карло. Я отправлюсь в Швейцарию посмотреть на Альпы. Буду останавливаться в лучших отелях. Буду есть в лучших ресторанах. Я собираюсь устроить себе отпуск, о котором буду вспоминать всю жизнь: за все заплатил дражайший мистер Бен Айзекс, будь благословенно его доброе, предусмотрительное сердце!

Лепски тарасился на нее, разинув рот.

– Нет, погоди-ка минутку...

– Молчи! Ты приглашен. Будешь моим гостем. Ты можешь либо принять приглашение, либо остаться дома, но лично я еду!

– Но, милая, будь же благоразумна. Мы все в долгах. А поездка обойдется в целое состояние.

– Лепски! Это ты весь в долгах! А я – нет! Так ты едешь со мной или как? Если едешь, то в следующий четверг мы летим в Париж. Если ты не примешь моего предложения, я полечу одна. Так как же?

Лепски принял предложение.

– Только попробуй теперь меня не взять, детка, – сказал он, вскакивая с места, обежал вокруг стола и поцеловал ее.

Она обняла его:

– Как же это чудесно! Ой, Том, мы будем рассказывать об этом до конца своих дней! Я куплю фотоаппарат. Только

представь себе, как разинут рты соседи, когда я покажу им фотографии!

Лепски просиял. Больше всего на свете он любил произвести впечатление на соседей.

– Ага. Париж, значит? Монте-Карло, значит? Швейцария? Господи, ну и присяду же я завтра Максу на уши!

– Сколько хлопот мне предстоит! – мечтательно проговорила Кэрролл. – Первым делом посоветуюсь с Мирандой. Хочу, чтобы она наметила маршрут. Мы с ней вместе работали в «Американ экспресс», и она свое дело знает. Затем надо купить одежду! Только подумай! У меня нет ни одного приличного платья!

Лепски дернулся:

– Нет, послушай, детка, не увлекайся слишком. Мы же не хотим превысить бюджет.

– Молчи! И вот что я тебе скажу, Лепски. Я и тебе куплю одежду. Я не поеду с тобой, если ты будешь выглядеть оборванцем.

Лепски оцепенел:

– Это ты меня называешь оборванцем? А что не так с моим гардеробом? Мне не нужны вещи! Оборванец? Что это ты имеешь в виду?

Кэрролл вздохнула:

– Просто помолчи уже. Ты будешь выглядеть у меня как приличный и симпатичный муж, а не как коп.

Лепски вопросительно изогнул бровь:

– Симпатичный, значит?

– Ужасно симпатичный и сексуальный.

Лепски выкатил грудь колесом:

– Ага. Наверное, мне стоит приодеться. Симпатичный и сексуальный, значит? Ну ладно, детка, давай потратим немного денег. – Он помолчал, а затем принюхался. – У нас что-то горит?

Кэрролл испустила сдавленный крик:

– Мой яблочный пирог!

Она вскочила и бросилась в кухню. Услышав отчаянный вопль, который Лепски слышал так часто, он схватил салфетку, чтобы заглушить сиплый смешок.

Глава вторая

Герман Радниц сидел в тени навеса на террасе пентхауса отеля «Бельведер», изучая какой-то юридический документ. Из-за набрякших век, крючковатого носа, почти беззубого рта и пятнистой кожи на лице, а еще из-за короткого, жирного туловища Радниц напоминал омерзительную жабу. Он никогда не переживал из-за своей внешности. У него имелись деньги и власть, и его забавляло то, как все мужчины и женщины вокруг, особенно женщины, расстилаются перед ним.

Этим утром он подготавливал сделку, которая принесет ему еще денег. Оставалось несколько юридических проблем, требовавших решения, однако Радниц был мастер решать юридические проблемы. Он поднял голову, и в его глазах под набрякшими веками отразилось раздражение, когда на террасу беззвучно шагнул Густав Хольц, его секретарь.

Густав Хольц, мужчина лет пятидесяти, был высоким, худощавым, лысоватым, с глубоко посаженными глазами и жестким ртом. Этот математический гений, не ведающий моральных принципов, свободно владел восемью языками и отлично разбирался в политических тонкостях. Для Радница он был незаменим, как правая рука.

– В чем дело? – резко проговорил Радниц. – Я занят!

– Пришел Клод Кендрик, сэр, – сообщил Хольц. – Вы хо-

тите его видеть? Мы договаривались, что он придет сюда сегодня утром.

Радниц отложил документ:

– Я его приму. – Он указал на документ. – Взгляните на это, Хольц. Десятый пункт. Мне он не нравится. Мы должны придумать что-нибудь получше.

Хольц взял документ и вернулся в пентхаус. Спустя миг на террасе появился Кендрик с портфелем, облаченный в безукоризненный льняной костюм небесно-голубого цвета и в старательно причесанном и ровно надетом парике.

Радниц уставился на него злобным взглядом:

– Чего вы хотите? Я занят!

Радниц нагонял на Кендрика страх, однако Кендрик понимал, что у этого человека имеется как раз такая сумма денег, о которой он мечтает. Его жирное лицо расплылось в елейной улыбке.

– Заняты? А разве когда-нибудь бывало иначе, мистер Радниц? – проворковал он, приближаясь к столу. – Прошу прощения за вторжение, но у меня есть именно то, что может вас заинтересовать.

Радниц пожал плечами, затем махнул рукой на стул:

– Что именно? Сядьте!

Кендрик опустил свою тушу на стул:

– Вы так любезны, мистер Радниц. Это большая привилегия...

– Что там у вас? – гаркнул Радниц.

Кендрик поморщился. Этот страшный человек, мысленно предостерег он себя, в дурном настроении. Кендрик понял, что его обычная льстивая манера лишь разозлит Радница. И он немедленно перешел к сути своего предложения.

– В Вашингтоне проходит выставка произведений из Эрмитажа, – начал он.

В глазах Радница под набрякшими веками отразился интерес.

– И что дальше?

– Может быть, вы не видели каталога. Баснословные сокровища... чудеснейшие...

– Я видел. И что дальше?

Кендрик извлек из своего портфеля иллюстрированный каталог выставки. Раскрыл на пятьдесят четвертой странице, затем почтительно положил раскрытый каталог на стол. Пододвинул поближе к Радницу:

– Вот великолепный экспонат.

Радниц взял каталог и внимательно рассмотрел изображение иконы. Прочитал описание, затем обратил лишенное всякого выражения лицо к Кендрику:

– И что?

– Выдающееся, уникальное произведение искусства, – сказал Кендрик, улыбаясь своей дельфиньей улыбкой. – Вероятно, первая икона...

– Я умею читать, – отрезал Радниц. – Какое отношение это имеет ко мне?

– Я так понимаю, что на открытых торгах эта икона стояла бы по меньшей мере двадцать миллионов долларов, сэр.

Радниц отложил каталог, и его взгляд затуманился.

– Вполне вероятно, только эта икона не для продажи. Это собственность Советского Союза.

– Разумеется, мистер Радниц, но всякое может случиться. Предположим, что эта икона попала в продажу. Вы бы захотели купить ее, скажем, за восемь миллионов долларов?

Радниц долго сидел, разглядывая Кендрика, который с надеждой улыбался ему.

– Вы это серьезно? – спросил Радниц севшим голосом.

– Да, сэр... очень серьезно, – отозвался Кендрик, и его улыбка слегка померкла.

Радниц поднялся с места и подошел к цветочным ящикам, обрамлявшим террасу. Он остановился спиной к Кендрику, созерцая пляж и море и просчитывая что-то в уме.

Наблюдая за ним, Кендрик ощутил, как затрепетало сердце.

«Рыбка клюет», – подумал он.

Радниц так и стоял неподвижно минут пять. Из-за долгого ожидания Кендрику даже пришлось утирать вспотевшее лицо, однако он моментально нацепил свою улыбку, когда Радниц вернулся и сел за стол.

– Икона на открытые торги не попадет, – заявил Радниц.

– Нет, однако для частного коллекционера, который заинтересован в этом чудесном сокровище, возможно заключить

договоренность.

– Какую еще договоренность?

– Меня заверили, что, если я найду покупателя, икону доставят. Я бы не пришел сюда, сэр, если бы не был уверен, что сделка реальна.

– Когда?

Кендрик сделал долгий, едва слышный вдох. Рыбка на крючке!

– На следующей неделе, при условии, что восемь миллионов долларов будут переведены на счет в швейцарском банке.

Радниц вынул из коробки на столе сигару и приступил к ритуалу ее раскуривания.

– Надеюсь, ради вашего же благополучия, Кендрик, – произнес он, и глаза его загорелись недобрым огоньком, – что вы говорите правду.

– Можете на меня положиться, сэр. – Кендрик снова начал потеть.

– Я еще не забыл те русские марки, которые вы обещали мне достать, и что из этого вышло.

Кендрик вздохнул:

– В тот раз просто не повезло. Меня нельзя винить в том, что тогда случилось.

– Ладно, признаю, – с неохотой согласился Радниц. – Что ж, я куплю у вас икону за шесть миллионов долларов, и ни долларом больше. Соглашайтесь или уходите.

Это было лучше того, на что надеялся Кендрик. И означало, что он получит три миллиона прибыли.

– Сэр, вынужден напомнить, что подобные операции требуют финансирования, – сказал он, снова расплываясь в своей елейной улыбке. – Я бы согласился на шесть миллионов плюс текущие расходы.

– Даже не думайте со мной торговаться! – оскалился Радниц. – Я высказал свое предложение. Икону надлежит доставить на мою виллу в Цюрихе. По факту доставки я сделаю денежный перевод на шесть миллионов долларов в указанный вами банк. Это мое окончательное предложение.

Кендрик дернулся, словно прикоснулся к раскаленному железу.

– В Цюрихе?! – взвизгнул он. – Это же невозможно, сэр! Как же я сумею вывезти подобное сокровище из Америки в Цюрих? Вы ведь понимаете, что как только о пропаже иконы станет известно...

Радниц взмахом руки заставил его умолкнуть.

– Меня не интересуют проблемы. Я заинтересован лишь в том, чтобы икона была доставлена в Цюрих. Если вы не в состоянии переправить икону в Цюрих, так и скажите. Я занят.

Кендрик призадумался. Этот момент ему необходимо обсудить с Хэддоном.

– Это будет очень трудно, – пробормотал он.

– А шесть миллионов долларов и не даются легко, – от-

резал Радниц, стряхивая пепел с сигары. – Ступайте и обдумайте мое предложение. Если в течение ближайших трех дней вы не сообщите моему секретарю, что сумели организовать доставку, впредь не приходите ко мне ни с какими предложениями. – Он подался вперед, сверкая глазами. – Вы меня поняли?

Пот уже стекал по лицу Кендрика ручьями. Он неуверенно поднялся на ноги:

– Да, мистер Радниц. Я сделаю все, что в моих силах.

Радниц отпустил его взмахом руки.

Кендрик тут же поехал в отель «Испанский залив», где застал Эда Хэддона доедающим поздний завтрак. Когда Кендрик двинулся в его сторону, Хэддон подал знак официанту принести еще кофе.

Кендрик тяжело опустился на стул. Жадными маленькими глазками он впился в остатки хрустящего бекона на сервировочном блюде.

– Кофе? – спросил Хэддон.

– Было бы недурно.

Мужчины поглядели друг на друга, затем Кендрик едва заметно кивнул.

Никто из них не проронил ни слова, пока официант не подал кофе и не удалился, только тогда Хэддон спросил:

– Дело на мази?

– Скажем так: я нашел покупателя, – сообщил Кендрик. – Теперь все зависит от тебя.

– И сколько?

– Ты получишь три миллиона.

Хэддон улыбнулся:

– Три миллиона и текущие расходы, естественно.

– Три миллиона, дорогой Эд, и никаких текущих расходов, – твердо произнес Кендрик.

– Для проведения операции потребуется тысяч сорок на взятки, Клод. Я за это платить не стану. Это твоя часть работы.

– Нет. Это твоя часть работы, Эд.

– Ладно. Договорюсь с Эйбом. На это уйдет время, но он все равно подыщет покупателя.

Кендрик улыбнулся своей акульей улыбкой:

– Я готов взять на себя половину расходов. Но не больше.

– И ты уверен в своем покупателе?

– Разумеется.

Хэддон пожал плечами:

– Двадцать тысяч наличными?

– Если ты так настаиваешь.

– По рукам. Подготовка к операции уже идет, но кое о чем я хочу попросить тебя. Мне потребуется копия иконы: ничего особенного, просто картинка, способная обмануть глаз на пару часов.

– Ты собираешься подменить икону?

– Не важно. Я все уже проработал. Сможешь достать для меня копию за три дня?

Кендрик кивнул:

– Луи сделает. – Он задумчиво воззрился на Хэддона. – Ты, кажется, совершенно уверен в успехе. Я лишь смею надеяться, что все сложится. Мне несдобровать, если дело у тебя сорвется. Мой клиент – человек опасный, страшный человек. Я пообещал ему, что икона будет на следующей неделе.

– Ты получишь ее вечером во вторник, – спокойно подтвердил Хэддон.

– Ты действительно обещаешь, несмотря на трудности?

– Ты получишь ее вечером во вторник, – повторил Хэддон.

Кендрик вздохнул, понимая, что это лишь начало. Он в полной мере сознавал, какой взрыв вызовет исчезновение иконы. Все выезды из Штатов будут наглухо перекрыты. И ФБР, и ЦРУ, и полиция, и таможенники будут на взводе. Если бы можно было привезти икону Радницу в отель и на этом умыть руки! Но в Цюрих!

Он с трудом поднялся на ноги, уже сожалея, что решился пойти со своим предложением к Радницу.

– Скажу Луи, чтобы привез тебе копию иконы и двадцать тысяч наличными. – Он замешкался, возвышаясь над Хэддоном. – Эд, я тебе доверяю. Поднимется страшная шумиха, как только икона исчезнет. Я действительно не понимаю, как ты сможешь это осуществить, но, если ты уверен, мне останется лишь надеяться, что у тебя получится.

Хэддон улыбнулся:

– Что-то ты слишком растолстел, Клод.

– Знаю. Луи постоянно донимает меня из-за веса.

Кендрик снял свой парик, уставился на него, затем сикось-накось нахлобучил обратно.

Три миллиона долларов!

Мысленно собравшись, он помахал Хэддону и тяжело затопал через террасу туда, где оставил свою машину.

Луи де Марни как раз удачно продал пару подсвечников времен Георга IV, когда Кендрик вошел в галерею. Луи хватило одного взгляда на перекошенный парик, чтобы понять: что-то пошло не так. Кендрик даже не притормозил, чтобы полюбезничать с пожилым клиентом, который уже выписывал чек. Он прошел сразу в свой кабинет, закрыл дверь, затем заглянул в небольшой холодильник, хитроумно замаскированный под старинный комод. В состоянии стресса Кендрик не мог без еды. Он выбрал куриное крылышко, завернул его в хрустящий лист салата, а потом сел за письменный стол. Он как раз приканчивал этот небольшой перекус, когда прискакал Луи.

– Что стряслось? – спросил он, подходя к столу. – Ты снова ешь!

– Не дави на меня, шерс, – сказал Кендрик. – У меня имеется для тебя работа.

Луи посмотрел на него с подозрением, когда Кендрик вынул из портфеля эрмитажный каталог и раскрыл на странице

пятьдесят четыре.

– Мне нужна копия вот этого, дорогой мальчик. Ничего выдающегося. Я уверен, что твоего таланта с избытком хватит на создание чего-то похожего.

Луи уставился на изображение иконы, а потом стремительно отпрянул назад.

– Только не говори, что этот кошмарный Хэддон собирается украсть икону! – воскликнул он дрожащим голосом.

– У меня есть на нее покупатель, – негромко произнес Кендрик. – Так что не тревожься, шер. Просто сделай копию.

– Ты что, из ума выжил? – дрожащим голосом продолжал Луи. – Разве ты не понимаешь, что все эти экспонаты принадлежат Советскому Союзу? Хэддон точно свихнулся! Нет, не желаю иметь с этим ничего общего! И тебе нельзя соваться в такое дело! Милый, подумай! Наша жизнь запросто пойдет прахом!

Кендрик вздохнул:

– Возможно, я слегка поторопился, однако Эд совершенно уверен, что сумеет ее достать. Эд ведь никогда нас не подводил, ты же знаешь?

– Да мне плевать! Мы с этим связываться не станем! – сказал Луи, сердито сверкая на Кендрика глазами. – Я не собираюсь иметь с этим ничего общего! Допустим, этот кошмарный Хэддон действительно добудет икону? И что мы будем с нею делать? Ты ведь должен понимать, что она совершен-

но, совершенно не подлежит продаже! Да каждый свинский коп во всем мире будет ее искать. У правительства мерзкую крышу сорвет! Русские вообще начнут лютовать.

– Радниц хочет ее купить.

Луи отшатнулся:

– Этот омерзительный тип?! Ты спятил настолько, что говорил с ним?

– Я принял на себя обязательства, шер.

– В таком случае это твои проблемы! Повторяю: я никоим образом не собираюсь участвовать в этом деле!

Кендрик выдавил елейную улыбку:

– Твоя доля составит четыреста пятьдесят тысяч долларов, шер.

– Я не собираюсь участвовать... – Луи осекся, в его маленьких глазках вдруг замелькали цифры. – Сколько, ты сказал?

– Да, дорогой мальчик. Это очень крупная сделка. Твоя доля составит четыреста пятьдесят тысяч долларов.

– И от меня требуется только сделать копию?

– Нет, дорогой мальчик, кое-что еще, – сказал Кендрик. – Это ведь целая куча денег. Ты должен понимать, что от тебя потребуется больше, чем только копия.

– Что еще?

– Есть проблема, которую необходимо решить. Эд доставит мне икону во вторник. Радниц настаивает, чтобы икону ему привели в Цюрих.

Луи отреагировал так, словно его укусил шершень.

– Куда?! – взвизгнул он.

– В Цюрих, Швейцария, – подтвердил Кендрик, – и, ради всего святого, не шуми так, шери.

– Швейцария? – повторил Луи. Мечта об обладании почти половиной миллиона вдруг рассеялась. – Ты точно выжил из ума! За всеми выездами будут следить! Интерпол поставят на уши! Земля будет гореть под ногами! Начнут прочесывать всех подозрительных торговцев произведениями искусства. Цюрих? Невозможно! Клод, с твоей стороны совершенно безответственно было заключать сделку с этим страшным типом!

– Нет ничего невозможного, – негромко возразил Кендрик. – У нас еще времени до вторника. И вплоть до того момента мы будем думать.

Луи поглядел на него с подозрением:

– Ты же не ждешь, что я повезу контрабанду, а?

Кендрик уже успел поразмыслить о такой возможности, однако решил, что у Луи кишка тонка.

– Нет, шери, но должен найтись безопасный способ. – Кендрик подтолкнул к нему каталог. – Давай все по порядку. Сделай копию и подумай.

Луи колебался, но потом вспомнил, какие деньги ему обещаны.

– По крайней мере, копию я сделаю, – сказал он, – но предупреждаю: это совершенно безумная и опасная операция.

– Давай оба подумаем. Не исключена вероятность, что у Эда ничего не получится, но мы должны быть готовы. Просто поразительно, на что способен изобретательный ум.

– Расскажешь об этом глухому, слепому и тупому, – заявил Луи. Потом схватил каталог и выскочил за дверь.

Ощущая необходимость в очередном перекусе, Кендрик тяжело затопал к холодильнику и произвел смотр разнообразных готовых к употреблению блюд, затем выбрал хвост омара, вернулся к своему столу и сел думать.

Лепски, по своему обыкновению, с помпой подъехал к дому, бегом пронесся по дорожке, рывком распахнул входную дверь и ввалился в гостиную.

Он великолепно провел день, рассказывая Биглеру и Максуду Джейкоби, как Кэрролл досталось наследство и как он настаивал, чтобы они потратили его на поездку по Европе. Он осточертел обоим коллегам, однако то был момент его триумфа, и никто из них был не в силах его заткнуть. В конце концов Биглер предложил ему поехать домой, а они уж сами справятся с возможными преступлениями, но, если случится что-то важное, его вызовут.

– Привет, детка! – проорал Лепски. – Я дома! Что у нас на ужин?

Кэрролл лежала на диванчике, сбросив туфли и закрыв глаза.

– Тебе обязательно кричать? – жалобно спросила она. – Я

совсем без сил.

Лепски вытаращился на нее:

– Ты что, трусцой весь день бегала?

Обычно в этот час Кэрролл суетилась в кухне, готовя ужин. И Лепски испытал потрясение, увидев ее лежащей на диванчике, в прострации.

– Лепски, бывают моменты, когда мне кажется, что ты тупица, – колко произнесла Кэрролл. – Я организовывала наш отпуск и, позволь заметить, провела за этим занятием целый день.

– Ага, молодец. Что на ужин?

Кэрролл сверкнула глазами:

– Ты можешь думать о чем-нибудь, кроме еды?

Лепски ослабился:

– Ну, есть еще кое-что, детка, но ты ведь, как обычно, скажешь: не сейчас, позже. Так что на ужин?

– Понятия не имею. Я весь день провела в «Американ экспресс», и я устала.

Лепски поглядел на жену, а затем, распознав определенные признаки, решил, что ситуация требует мягкого и деликатного подхода.

– Бедная крошка. Весь день, значит? И как все прошло? Что тебе удалось сделать?

– У Миранды были свои идеи, а у меня свои! – воскликнула Кэрролл. – Мне никак не удавалось вбить в ее бестолковую голову, что мы хотим путешествовать первым классом.

Она все твердила и твердила мне о чартерных рейсах.

– Ради бога, а чем плохи чартерные рейсы?

– Лепски! Это будет всем отпускам отпуск! Мы полетим первым классом!

– Прекрасно... прекрасно. Ага, ты права, детка. – Лепски переступил с ноги на ногу. – А что на ужин?

Кэрролл села, ее взгляд предвещал грозу.

– Я не знаю! Мне плевать! Если ты спросишь еще раз, я с тобой разведусь!

– Не знаешь, значит? Ладно, давай выпьем. – Лепски подошел к бару. Он открыл дверцы, а потом обернулся. – А где моя «Катти Сарк»?

– Может, сядешь и послушаешь, как мне удалось все устроить? – спросила Кэрролл, и ее тон вдруг сделался обвиняющим.

– Где моя «Катти Сарк»? – прорычал Лепски.

– Ты в состоянии думать о чем-нибудь, кроме еды и питья? Ради бога, присядь и дай рассказать, как мне удалось все устроить.

Лепски сверлил жену обвиняющим взглядом.

– Ты ходила к этой старой пьянчужке Мехитабель Бессинджер, и ты отдала старой лгунье мою «Катти Сарк».

К его изумлению, Кэрролл выглядела сконфуженной.

– Слушай, Том... Прости за твой скотч. Не стоило мне ее навещать. Я пришла к выводу, что ты прав. Она действительно слишком много пьет.

Лепски вытаращился на нее, разинув рот.

Уже много лет Кэрролл доверяла словам этой ясновидящей, крупной чернокожей старухи, которая предсказывала будущее. Дважды та давала Лепски (через Кэрролл) наводку на убийц, причем Лепски игнорировал ее слова, а позже убеждался – гадалка была права. До сего дня Кэрролл преклонялась перед Мехитабель. И эта неожиданная перемена встревожила Лепски.

– Что ты сказала? – переспросил он, усаживаясь.

– Ну, Том, я подумала, было бы неплохо посоветоваться с ней перед нашим путешествием, – начала Кэрролл, глядя куда угодно, но только не на него.

Лепски издал звук, похожий на грохот камнепада.

– Значит, чтобы подмаслить ее, ты прихватила мою бутылку «Катти Сарк»?

– Да, Том, и я прошу прощения. Я куплю тебе другую бутылку. Обещаю.

Это было настолько неожиданно, что Лепски распустил узел галстука и расстегнул верхнюю пуговицу рубашки.

– Ладно. И что же произошло?

– Она достала свой хрустальный шар и вроде бы вошла в транс. – Кэрролл закрыла глаза руками и протяжно, обессиленно вздохнула; не только Лепски в их семье любил порисоваться. – Мне действительно показалось, что несчастная старуха была немного навеселе.

– Погоди-ка... Она достала свой хрустальный шар до того,

как получила мою «Катти Сарк», или после?

– Ну, ей действительно требуется немного стимулировать себя, прежде чем она сможет видеть будущее.

– Стало быть, она осушила полбутылки?

– Чуть больше чем полбутылки. В любом случае она наговорила кучу чепухи. Она сказала, чтобы мы ни при каких условиях не ездили в путешествие. Она сказала, я должна отменить все свои заказы и остаться дома. Она сказала, нам встретятся по пути опасные люди, а еще женщина по имени Катерина, от которой произойдет много бед. Насчет имени она была не вполне уверена. Она сказала, что видит не очень ясно. Хрустальный шар затуманился.

Лепски фыркнул так, что мог бы напугать даже бизона:

– Могу себе представить! Я бы и сам затуманился, если б опрокинул залпом больше полбутылки скотча.

– Я немного переживаю, Том. В прошлом Мехитабель всегда оказывалась права. Как думаешь, стоит нам ехать? Может, отменить путешествие?

Лепски вспомнил, как от его сегодняшнего хвастовства у Биглера с Джейкоби уши сворачивались в трубочку. Да они засмеют его, если он откажется от роскошного тура по Европе. И чем он оправдается? Он поднялся и подошел к Кэрролл, нежно потрепал ее по плечу:

– Забудь, детка. Старая пьянчужка перебрала. Она просто старалась удержать тебя дома. А то кто еще подарит ей бутылку «Катти Сарк»?

– Но я в самом деле переживаю, Том. Что за женщину по имени Катерина она имела в виду? И опасных людей, которых мы встретим? Я все спрашивала и спрашивала ее, но она просто сидела, стонала и трясла головой.

Лепски снова потрепал Кэрролл по плечу:

– Забудь! Нас ждет лучший отпуск в нашей жизни! Давай, детка, брось, забудь об этой старой алкашке. Мы с тобой оторвемся по полной! – Заметив, что Кэрролл расслабилась, он с надеждой улыбнулся, а потом спросил: – Так что у нас на ужин?

Эд Хэддон расплатился за такси перед скромным мотелем на скоростном шоссе, ведущем в центр Вашингтона. Он был облачен в темный деловой костюм весьма консервативного вида, в руке держал портфель. Остановившись перед террасой, ведущей к главному входу в гостиницу, он не увидел того, к кому приехал на встречу, поэтому двинулся по дорожке, направляясь в холл.

– Эд!

Негромкий окрик заставил его остановиться и пристально посмотреть на пожилого священнослужителя, который сидел на террасе и улыбался ему. Этому священнику на вид было под семьдесят, у него было круглое румяное, лицо, редкие седые волосы и благодушная улыбка, которая так подкупает детей и престарелых леди. Роста святой отец был среднего, сложен крепко – тело человека, который любит поесть. На

носу у него красовались очки с полукруглыми стеклами. От него буквально веяло добротой и христианским духом, как от святого.

Хэддон оглядел его с подозрением, а потом проговорил жестко и холодно:

– Это вы ко мне обращаетесь?

Священник засмеялся: приятный, мягкий смех, способный ободрить верующих.

– Неужели настолько хорошо получилось, Эд? – спросил он.

– Господи! – Хэддон шагнул вперед и уставился во все глаза. – Это ты, Лу?

– Кто же еще? Недурно, значит?

Хэддон снова вытаращил глаза, а потом поднялся на террасу.

– Это действительно ты?

Святой отец кивнул и похлопал по сиденью стула рядом с собой.

– Боже милостивый! – сказал Хэддон. – Просто чудесно! Ну ты и артист!

– Да, можно так сказать. На данный момент это моя лучшая работа. Я получил твое сообщение. Значит, сделка состоится?

Хэддон сел, все еще глаза на святого отца. С Лу Брейди он выгодно сотрудничал последние десять лет. Брейди был лучшим в мире похитителем произведений искусства, и, что

еще важнее, он ни разу не попадался, и у полиции на него не было ничего.

Помимо того, что Брейди умело вскрывал любые замки, он был еще и мастером перевоплощения. Только посмотреть на него сейчас: толстый благодушный старик – никому и в голову не придет, что ему всего-то тридцать пять и он строен, словно стебель спаржи. Кожа у него на лице как будто резиновая: несколько тампонов в рот, и вот его худощавое лицо стало пухлым. А надев стеганый жилет, он сделался солидным. Собственноручно изготовленный парик превратил его голову в лысую, с редкими белыми волосками. Хэддон видел его в разных образах, но этот был самым удачным: старый, толстый, добродушный служитель церкви.

– Лу, ты просто чудо, – сказал Хэддон. – Я серьезно!

– Конечно. Я знаю. Так мы двигаемся дальше?

– Да. Кендрик нашел покупателя.

Брейди скорчил гримасу:

– Этот жирный педик? Почему не Эйб? Я бы предпочел работать с Эйбом.

– Эйб сейчас на мели. У Кендрика возникла одна проблема, но до этого мы еще доберемся.

– У меня тоже проблемы, – сказал Брейди. – Вчерашний день я провел в музее. Охрана там такая, что проще пролезть в мышиную задницу.

Хэддон бросил на него испытующий взгляд:

– Это тебя тревожит?

– Слушай, Эд, вероятно, нам предстоит самая сложная операция из всех, за какие мы брались. Я полагаюсь на тебя. Музей кишит копами и охранниками, хуже того, там еще и пять говнюков из КГБ. В музее я был в другом гриме. Мне пришлось проходить через металлоискатель. Металлоискатель засек мои ключи от машины – настолько он чувствительный. И там была огромная очередь из людей, которым пришлось оставлять все, что у них с собой было, в фойе: сумки, зонтики, трости, портфели и все прочее. Это отнимает время. Причем все эти повышенные меры безопасности не отпугивают публику – наоборот, прибавляют ажиотажа. Теперь, эта икона, на которую ты нацелился. Она в стеклянной витрине под сигнализацией. Стоит тронуть стекло, и сработает сирена. Вокруг толстый канат, который не подпускает зевак ближе чем на два фута. Стоит тронуть канат, и появляется охрана. Притворившись, что хочу рассмотреть икону поближе, я прижался к канату, и на меня окрысились два крутых охранника. Поверь мне, это трудное дело.

– А предположим, что нет ни сигнализации, ни охранников, Лу, сможешь ты вскрыть витрину?

Лу хихикнул:

– Замок там для дураков. Смогу, конечно.

– Значит, отрубим сигнализацию. Я уже все подготовил. Дело назначим на вторник. За пятнадцать минут до твоего прихода два городских электрика будут заниматься своей работой. С ними я уже договорился. Питающие музей электри-

ческие кабели проложены в подвале. Все, что требуется от этих двух электриков, – поднять крышку люка и перерезать кабель. Когда в музей валит целая толпа, кто станет обращать внимание на двух парней в униформе? Хорошо, допустим, кто-то из охраны сунет свой нос. Но мои люди с ним справятся. Они оба те еще ловкачи, и у них будет фальшивое разрешение. Считай, сигнализация выведена из строя. Пока что все складывается недурно?

– Если ты так считаешь, Эд, значит так и есть.

– Верно. А твои вьетнамцы? Ты с ними договорился?

– Да. Тридцать пять беженцев привезут на автобусе, чтобы они могли восхититься выставкой из Эрмитажа, – сообщил Брейди с лукавой улыбкой. – Я, в качестве преподобного Сэмюеля Хардкасла, купил билеты, переполошил музейных мерзавцев и нанял автобус... тут никаких проблем.

Хэддон вынул из портфеля что-то плоское:

– Я потратился, чтобы достать это, Лу. Это дымовая шашка, сделанная из пластика. Она без проблем пройдет через металлоискатель. Вот тут переключатель. Все, что от тебя требуется, – нажать на переключатель, и ты получишь огромное количество дыма, его хватит, чтобы заволкло весь второй этаж галереи. А теперь вообрази: галерея наполняется дымом. Начнется паника. Охранники мечутся во все стороны, народ орет и рвется к выходам. Пока все это происходит, ты открываешь стеклянную витрину и хватаешь икону. Я достану тебе копию. Ты заменяешь икону копией, запираешь

витрину, и дело в шляпе.

Брейди откинулся в кресле, обдумывая его слова.

Наконец он произнес:

– Нет. Извини, Эд, но так не годится. Во-первых, дымовая шашка. Эти мерзавцы из охраны свое дело знают. Шашка толстая. Я не смогу засунуть ее в карман. Ее сразу же заметят. Затем, копия иконы: человека с ней тоже заметят. И человека, выносящего оригинал, опять-таки заметят, даже если вокруг будет царить паника. Нет, мне это не нравится.

Хэддон улыбнулся:

– Разумеется, но просто ты не подумал об одном слагаемом, о котором подумал я. Хотя ты и умный, а я все же умнее. Вот скажи мне, какой священный объект почитают все мужчины, включая охранников?

Брейди пожал плечами:

– Я бы сказал, бутылку скотча.

– Ты ошибаешься. А правильный ответ – беременную женщину. Чудесную женщину, вот-вот готовую родить чудесного, здоровенького малыша.

Брейди окаменел:

– Ты что, свихнулся, Эд?

– Помнишь Джоуи Лака?

– Конечно. Он был лучшим в своем ремесле. Слышал, он отошел от дел.

– Верно. Я научился у него одному трюку. Его дочь, бывало, привязывала к животу плетеную овальную корзину и

надевала платье для беременных. Потом они с Джо заходили в какой-нибудь магазин самообслуживания и тырили все подряд. Она набивала корзину едой. Это отличная идея, которая ни разу не подвела. И поэтому среди твоих экскурсантов будет пара симпатичных девушек, явно беременных: одна пронесет дымовую шашку, другая – копию иконы в корзинках, привязанных под одеждой. Оригинал иконы вынесут таким же способом... Нравится идея?

Брейди прикрыл глаза и задумался. Хэддон наблюдал за ним, улыбаясь. Затем Брейди открыл глаза и широко усмехнулся.

– Эд! – сказал он, понизив голос. – Черт побери! Да ты гений! Вот это мне нравится!

– Отлично. Как насчет девиц? Придется привлечь их к делу. Есть подходящие?

– Без проблем. Среди моих вьетнамцев найдется парочка шлюх, готовых перерезать глотку собственной мамаше, если хорошо заплатить.

Брейди поглядел на Хэддона:

– Но это будет дорого стоить, Эд. Придется дать каждой по пять кусков.

– Ну и ладно. Я за ценой не постою. Дело-то крупное. А теперь займемся проблемой Кендрика. Ему предстоит доставить икону в Цюрих, в Швейцарию.

Брейди вздрогнул:

– Это его проблема... и еще какая проблема! Как только

икона исчезнет...

– Я все это понимаю, и он понимает. Доставить икону в Швейцарию – большая, очень большая проблема. Если икона не попадет в Цюрих, он не получит денег, и ни ты, ни я не получим. Вот так-то, Лу, значит, придется ему помогать. Он башковитый, и он над этим работает. Если он не придумает ничего путного, операция отменяется.

Брейди помотал головой:

– У него не получится, Эд. Можно с тем же успехом прямо сейчас все отменить. Допустим, если нам удастся пересидеть с иконой месяцев шесть, пока не уляжется шумиха...

– Икона должна быть доставлена в течение десяти дней после кражи.

Брейди пожал плечами:

– Это невозможно. Службы безопасности...

– Я понимаю, но у Кендрика может возникнуть идея. Он башковитый тип. Будем считать, что он придумает. Я хочу, чтобы ты тогда слетал в Цюрих и доставил деньги. Два миллиона мне, один тебе. Идет?

– Боже! У него должна возникнуть просто блестящая идея, впрочем, если возникнет, у меня нет возражений.

– Хорошо. В таком случае будем считать, что у нас получится переправить икону в Цюрих, так что пройдемся по деталям.

Хэддон нырнул в свой портфель и вынул план второго этажа Музея изящных искусств, где проводилась выставка про-

изведений из Эрмитажа.

Мужчины придвинулись ближе друг к другу и принялись изучать план.

Последние годы Кэрролл Лепски часто задерживалась перед витриной Маверика, самого лучшего и самого модного портного в городе. Она подолгу с завистью смотрела на выставленные в витрине элегантные платья и меха, а затем, как и Лепски, созерцавший отборные куски мяса у Эддиса, вздыхала и проходила дальше.

Однако этим утром Кэрролл была при деньгах, и она вошла в магазин с сильно бьющимся от волнения сердцем. Она оказалась в просторном зале, обставленном старинной мебелью, с обитыми гобеленом стульями и несколькими весьма ценными картинами современных художников на стенах. За большим антикварным столом сидела женщина средних лет, так элегантно одетая, что Кэрролл притормозила.

Женщина поднялась из-за стола. Ее темные глаза пробежались по Кэрролл с головы до ног, отметив льняное платье, поношенные туфли и пластиковую сумочку.

Магазин принадлежал Роджеру Мавериду, двоюродному брату Клода Кендрика. Кендрик и ссужал кузена антикварными вещами и картинами, обновляя их каждые полгода.

Маверик внедрил в сознание своих служащих следующую аксиому: никогда не суди о книге по обложке.

Люсиль много лет проработала в Париже у Диора. Теперь,

в свои сорок восемь, она осела в Парадиз-Сити, проникнувшись портновскими талантами Маверика и необозримыми рыночными возможностями этого города в сезон, когда сюда стекались богатые женщины.

Не забывая об аксиоме Маверика, Люсиль мило улыбнулась Кэрролл, подозревая, что эта миловидная женщина, одетая довольно убого, просто очередная праздная зевака.

– Мадам?

Кэрролл никогда не терялась. Она заранее решила, какую тактику избрать, поскольку понимала, что ее одежда будет говорить против нее в этом шикарном заведении. И она приступила к делу с прямоотой, ошеломившей Люсиль.

– Я миссис Том Лепски, – объявила Кэрролл. – Мой муж – детектив первого класса и служит в городской полиции. Мне досталось наследство. Мы отправляемся в Европу. Мне необходим гардероб. Но я не собираюсь тратить больше семи тысяч долларов. Что вы можете мне предложить?

Пока еще не закончился мертвый сезон. А семь тысяч – это вам не кот начихал, подумала Люсиль и улыбнулась еще шире:

– Разумеется, миссис Лепски. Я уверена, мы сможем подобрать вам что-нибудь подходящее для поездки. Прошу вас, присаживайтесь. Мистер Маверик с удовольствием обсудит с вами все ваши нужды и что-нибудь предложит. Прошу прощения, я отойду на минутку.

Когда Кэрролл уселась, Люсиль отправилась в роскошном

лифте на второй этаж, где Маверик задрапировывал скучающую девицу в отрез ткани.

Роджер Маверик был высокий, худой и поразительно красивый гомосексуалист. В свои почти пятьдесят пять лет он был не только весьма талантливым модельером, но еще и тайком сбывал краденые меха, что приносило немалый дополнительный доход.

Люсиль сообщила ему, что внизу дожидается жена детектива Лепски, которой требуется гардероб.

Маверик знал каждого детектива в городской полиции, а также он знал, что Лепски наиболее опасный из всех. Его худое красивое лицо оживилось.

– Она, как я поняла, получила наследство и готова потратить семь тысяч долларов, – продолжала Люсиль.

– Великолепно! А теперь послушай, моя дорогая: ее необходимо обслужить по высшему разряду. Отведи ее в салон Вашингтона. Устрой как можно удобнее. Шампанское там... ну, ты сама знаешь. Я подойду через десять минут. А ты между тем выясни, какие у нее любимые цвета и на что она в целом настроена.

– Потратить семь тысяч долларов, – с издевкой напомнила Люсиль.

– Да-да, просто сделай, как я прошу, дорогая.

Слегка пожав плечами, Люсиль спустилась на первый этаж.

– Мистер Маверик выйдет к вам через несколько минут,

миссис Лепски. Прошу вас, пойдёмте со мной.

Кэрролл вошла вслед за ней в лифт, и они поднялись на второй этаж.

По длинному коридору, застланному красным ковром, Кэрролл прошла вслед за Люсиль до какой-то двери.

Открыв дверь, Люсиль отступила в сторону и жестом предложила Кэрролл войти.

Эта комната тоже была изящно обставлена антикварными безделушками Кендрика.

– Садитесь, пожалуйста, миссис Лепски. Может быть, бокал шампанского, пока мы обсуждаем ваши предпочтения?

Появилась аккуратно одетая горничная с серебряным подносом, на котором в ведерке со льдом красовались бутылка шампанского и два бокала.

– Только не забывайте, что я не стану тратить больше семи тысяч долларов, – твердо произнесла Кэрролл. Этот прием по высшему разряду заставил ее занервничать.

– Конечно, миссис Лепски. – Люсиль налила вина, протянула Кэрролл бокал и села рядом. – А теперь расскажите мне, пожалуйста, чего именно вам бы хотелось.

Спустя три часа Кэрролл покинула магазин, не чуя под собой ног от счастья.

Она решила, что Маверик – самый милый, самый понимающий, блистательный мужчина, какого она когда-либо встречала. Теперь она была уверена, что полностью экипирована для волнующего тура по Европе. Она быстро поня-

ла, что Маверик точно знает, какие вещи ей идут, и, посомневавшись лишь в самом начале, расслабилась и позволила ему выбирать за нее.

Когда выбор был сделан, Кэрролл начала переживать.

Все было настолько элегантно, что она и представить себе не могла, в какую сумму это выльется.

– Не больше семи тысяч, – твердо повторила она, когда Маверик, ослепительно ей улыбаясь, спросил, довольна ли она.

– Миссис Лепски, у нас сейчас мертвый сезон. Сказать откровенно, в сезон то, что вы выбрали, обошлось бы примерно в двадцать тысяч. И снова сказать откровенно, эти чудесные вещицы висят у меня уже некоторое время. К сожалению, мне не всегда выпадает возможность одевать даму с такой фигурой, как у вас. Обычно мои клиентки склонны к тучности. А это модельные платья. И я только счастлив отдать их вам меньше чем за полцены. На самом деле я уступлю вам все за пять тысяч долларов, и тогда вы сможете добавить к платьям еще туфли и сумочку.

– О, это же просто чудесно! – воскликнула Кэрролл.

– Я счастлив, что счастливы вы. Могу я просить вас зайти ко мне послезавтра, чтобы мой портной подогнал платья по фигуре? К тому времени я подготовлю вам на выбор сумочки и туфли.

Поскольку Маверик вставал поздно, у него и ланч был

поздний, и на ланч он неизменно отправлялся в «Арт-клуб». Здесь он застал Клода Кендрика, который вкушал куриную грудку в густом сливочном соусе с грибами. Маверик уселся за его столик, и кузены приветственно улыбнулись друг другу.

– Как идут дела? – спросил Кендрик, поддевая на вилку картофелину.

– Неспешно, впрочем, сезон еще не начался. – Маверик заказал двенадцать устриц блю-пойнт². – Ты слишком сильно растолстел, дорогой Клод. Тебе вовсе не стоит есть картофель.

Кендрик вздохнул и подцепил на вилку еще одну картофелину.

– Луи вечно меня пилит, но мне приходится как-то подерживать силы.

– А у меня сегодня утром побывала неожиданная клиентка, – поделился Маверик. – Миссис Том Лепски, жена копа.

Лицо Кендрика налилось кровью. Он имел в прошлом несколько неприятных бесед с Лепски, которого считал неотесанным хамом.

– И какого черта ей понадобилось?

– Очевидно, у нее появились деньги, они едут в отпуск в Европу. Я ее придел. У нее отличная фигура. Заодно избавился от залежавшихся платьев модельных размеров. Она

² *Блю-пойнт* – эти устрицы получили свое название от бухты на Лонг-Айленде в Нью-Йорке, где были впервые обнаружены.

потратила пять тысяч долларов.

Кендрик с тоской поглядел на очередную картофелину, потом решил, что не пропадать же вкуснейшему соусу. Он принялся разминать в нем картошку.

– Очень мило. В Европу?

– Да, обычный туристический маршрут: Париж, Монте-Карло, Монтрё.

Вилка Кендрика, нагруженная курицей, картофелем и соусом, зависла перед разинутым ртом. Его маленькие глазки затуманились.

Он опустил вилку.

– Они и в Швейцарию поедут?

– Она сказала, поедут. Она хочет посмотреть Альпы. Я ей еще посоветовал отправиться в Гштад.

– И Лепски с ней едет?

– Разумеется. – Маверик внимательно смотрел на своего жирного кузена. – Что ты задумал?

Принесли устрицы.

– Пока еще не знаю. – Кендрик проглотил то, что набрал на вилку, а потом отодвинул стул. – Оставлю тебя наслаждаться этими восхитительными с виду устрицами. Встретимся в баре за кофе.

– Но ты ж не доел.

– Решил, что самое время подумать о своем весе. – И Кендрик вышел из ресторана и тяжело затопал в большой, наполовину пустой бар.

Спустя полчаса к нему присоединился Маверик.

– Чемодан, Роджер, – произнес Кендрик, как только Маверик сел рядом с ним. – Миссис Лепски к ее покупкам необходим красивый чемодан.

– Она несколько упертая по части денег, – сказал Маверик. – Однако это мысль. Попробую ее уломать.

Кендрик опустил жирную ладонь на руку Маверика:

– У нее должен быть багаж: симпатичный чемодан и несессер. На самом деле, дорогой Роджер, лучше приготовь два чемодана: один для нее, а другой для ее мужа, но вот несессер должен быть обязательно.

Маверик внимательно изучал своего кузена.

– Я как-то сомневаюсь...

– погоди. Ты предложишь ей эти вещи за смехотворно низкую цену, и она не сможет устоять. Я покрою тебе разницу.

– Ты со мной не вполне откровенен, Клод, – сказал Маверик резко. – Ты что-то затеваешь.

– Да. – Кендрик вздохнул. Он хорошо знал своего кузена. – Скажем так: я заплачу десять тысяч, а ты не задавай вопросов.

– Извини меня, Клод. Я хочу знать, что все это означает. Я отказываюсь участвовать в твоих начинаниях, не выяснив точно, что к чему.

Кендрик снова вздохнул. Он знал, что не дождетя от кузена помощи, пока не выложит карты на стол. А внезапно

но осенившая его идея может решить проблему переправки иконы в Швейцарию. Если икону повезет хорошо известный всем полицейский, она точно пересечет границы. Сознавая, что теперь это выльется ему в кругленькую сумму, он рассказал Маверику о похищении века.

Глава третья

В следующие два дня Кэрролл с головой погрузилась в дела, наслаждаясь каждой минутой. Она отвела Лепски к Гарри Левину, одному из лучших мужских портных в городе, и лично руководила подбором его гардероба для путешествия. Лепски тянуло на все пестрое и яркое, однако Кэрролл подобного не переносила. Для вечерних выходов она выбрала темно-серый костюм, еще один костюм в спортивном стиле, запасные темно-синие брюки, четыре классические мужские сорочки и три классических галстука. Хотя Лепски возмущался, она пресекла его возражения, заявив, что, раз уж он так хочет заполучить ту чудовищную рубашку, с которой не сводит глаз, пусть платит за нее сам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.